

ОБРАЗ ЕКАТЕРИНОСЛАВА КАК НЕРЕАЛИЗОВАННОЙ ПОТЕНЦИИ В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ КОНЦА XVIII — XIX ВЕКА

С. С. Жданов^{1, 2}

¹ Новосибирский государственный технический университет,
Россия, 630073, Новосибирск, проспект К. Маркса, 20

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,
Россия, 630108, Новосибирск, ул. Плеханова, 10

Поступила в редакцию 14.04.2025 г.

Принята к публикации 15.07.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-7

Рассмотрена репрезентация пространства Екатеринослава на материале 22 русских травелогов конца XVIII — XIX века (тексты И.Я. Акинфиева, А.С. Афанасьева, П.А. Бибикова, И.Ф. Вернета, Ф.Ф. Вигеля, А.Ф. Воейкова, Н.С. Всеволожского, К.И. Габлица, И.М. Долгорукого, М.П. Жданова, К.П. Жукова, В.А. Жуковского, Иакова (И.И. Вечеркова), Л.З. Кунцевича, Н.М. Лонгинова, А.Н. Молчанова, Д.М. Перевощикова, В.М. Сидорова, П.И. Сумарокова, Г.Т. Хохлова, А.В. Храповицкого, П.И. Шаликова). Цель исследования состоит в аналитическом описании основных пространственных характеристик образа данного города в рамках семиотико-имагологического подхода. Установлено, что репрезентация пространства Екатеринослава выстроена авторами травелогов в основном посредством оппозиции «пространство славного прошлого — пространство бесславного настоящего». Соответственно, характеристике образа города свойствен мотив нереализованной потенции. Момент основания города (пространство исторической памяти) маркирован мотивами славы, масштабности, проектности и связан с образами имперской персонификации — Екатерины II, ее фаворита Г.А. Потемкина, а также австрийского императора Иосифа II. Напротив, авторы XIX века отмечают репрезентацию современного им Екатеринослава в основном негативно — мотивами маломасштабности, непривлекательности, провинциальности, смертности, скуки, жары, грязи.

Ключевые слова: имагология, травелог, Екатеринослав, Новороссия, Екатерина II, Потемкин, пространство, русская литература

1. Введение

Образ города как «сильного места» текста не раз привлекал внимание отечественных исследователей начиная с работ по петербургскому тексту (Топоров 2003; Лотман 1984) и вплоть до новейших статей по семиотике города (Голомидова 2023; Батшев 2024). Разумеется, существуют исследования по маркированным малороссийскостью и новороссийскостью городским текстам, характеризующиеся актуализацией научного интереса к данной теме в последние десятилетия, в том числе

в связи с современными общественно-политическим и культурным контекстами. Это, например, работы по киевскому тексту русской литературы (Булкина 2010), городской образности Севастополя или Одессы (Петрова, Прохорова 2015; 2016; Панов 2016).

Среди статей, посвященных образам новороссийского урбанистического пространства, следует также выделить ряд научных публикаций, связанных с Екатеринославом, одним из значимых топосов Новороссии. К ним относятся исследования по текстам как XIX (Кавун 2015), так и начала XX столетия (Афанасьев, Цапко 2010; Симонова 2018). Но ни одна из указанных статей не была посвящена имаголого-семиотическому анализу екатеринославской пространственности, представленной в русских травелогах XIX века, что составляет цель нашего исследования. Исключением, насколько нам известно, является лишь недавнее исследование Е. В. Дорджиевой (Дорджиева 2024) по образу Екатеринослава XIX — начала XX века, которое частично пересекается с нашей работой. Однако последняя имеет ряд особенностей, позволяющих говорить о новизне исследования. Это, во-первых, количество рассматриваемых текстов: девять — в работе Е. В. Дорджиевой, двадцать два — в нашей. При этом за рамки нашего исследования выведены анализируемые исследовательницей тексты В. В. Геймана, поскольку они относятся к началу XX века, и Ф. Ф. Воропонова, так как его путевые заметки посвящены прежде всего описанию пространства переселенцев Екатеринославской губернии, а не Екатеринослава.

Во-вторых, что следует из вышеизложенного, наша работа сфокусирована на пространственной образности самого города без подробного анализа губернского пространства, которое рассматривает Е. В. Дорджиева. В-третьих, временные рамки нашего исследования также сдвинуты — на конец XVIII — XIX век, в отличие от XIX — начала XX века у исследовательницы. Наконец, если статья Е. В. Дорджиевой представляет собой взгляд историка на заявленную проблематику с опорой на «теоретико-методологическую базу» «современной истории эмоций» (Там же, с. 317), то наша работа носит в первую очередь филолого-семиотический характер в русле литературоведческой имагологии. Кроме того, заметим, что мы не анализируем подробно новороссийский фрагмент текста М. П. Жданова, рассмотренный подробнее в недавней статье по этому травелогу (Жданов 2024а).

2. Образ екатеринославского пространства исторической памяти

Приступая к анализу екатеринославской пространственности, следует отметить, что самый значительный семиотический пласт ее репрезентации соотносится с пространством исторической памяти города, связанным прежде всего с вояжем Екатерины II по лиминальному Юго-Западу империи. Уже в тексте, изданном за год до этого путешествия, то есть описывающем предстоящее посещение Екатеринослава, за горо-

дом закреплён мотив огромных потенциалов, которые должны быть реализованы в будущем. Эта будущая проектность обусловлена географическим положением топоса (центральность, близость Днепра как торговой артерии) и именем императрицы, заключённым в топонимике и призванным засвидетельствовать ее славу: «Положение его посреди Наместничества и плавание по Днепру доставляющее величайшие выгоды для промыслов и торговли, подают надежду, что сей город со временем придет в цветущее состояние и будет соответствовать имени, которого он удостоен» (Габлиц 1786, с. 49). В журнале же путешествия императрицы постфактум зафиксированы как один из ключевых локусов Екатеринослава «Соборная церковь Преображения Господня» (Храповицкий 1787, с. 63), так и персонификация, связанная с ее заложением: это «Всемиловейшая Государыня» и австрийский император Иосиф II, выведенный в тексте под псевдонимом графа Фалкенштейна (Там же, с. 62). Кроме того, здесь также упомянуто селение «Кайдак», «в 8 верстах» от которого расположено «место, избранное для сооружения губернского города Екатеринослава» (Храповицкий 1787, с. 62).

Отметим, что в позднем тексте Сидорова фигурирует топоним «Новый Кодак», который, согласно автору, во время екатерининского «путешествия по Новороссии» обозначал Екатеринослав (Сидоров 1891, с. 294). Вообще, проанализированные травелоги слабо фиксируют пространство доекатерининской исторической памяти. До некоторой степени исключением является относящийся к середине XIX века текст Афанасьева-Чужбинского, который описывает казачий локус принадлежащего сечевому казаку Лаврентию Глобе «небольшого хуторка Половица», «зимовника запорожского», «между Новым Кадаком и Каменкой» (Афанасьев 1891, с. 53). Следует подчеркнуть, что, несмотря на некоторые черты типажного малороссийского идиллического Дома-Сада («Глоба <...> завел... хороший плодовый сад и жил припеваючи» (Там же, с. 53)), место маркируется архаической семиотикой «мужского дома»-сообщества с казаком-«батькой», которому подчинены «хлопята»-«мальчики» — по сути, младшие богатыри, способные на такие удалые поступки, как оторвать ухо лошади, пытаясь ее удержать (Там же, с. 54). Соответственно, здесь действуют законы не идиллического, а авантюрного времени, где противниками казаков выступают выходцы из энтропийного пространства степи — «разбойники» и «татары» (Там же, с. 56). Этот хутор определен автором местом будущего Екатеринослава, приглянувшимся *genius loci* города — Потемкину: «зимовник сделался деревенькой Половицей, и на нее-то великолепный князь Тавриды обратил свое внимание. <...> он в 1786 году начал здесь постройку Екатеринослава» (Там же, с. 56—57). В пространстве исторической памяти образ Глобы¹ зафиксирован в локусе его могилы: «похоронен в своем саду..., в котором и до сих пор видна могила запорожца» (Там же, с. 56).

¹ Иную трактовку образу дает Сидоров: им Глоба назван «есаулом», «бывшим при Екатерине» во время ее южного вояжа и похороненным «в городском саду» (Сидоров 1891, с. 295), где его могила «служит» «памятником Екатерининскому

Между тем образ Екатеринослава как странного города, меняющего свои имена и местоположение, зафиксирован в сумароковском тексте, написанном после смерти Екатерины, в начале XIX века, где топоним введен под тремя именами Новороссийск-Екатеринослав-Новомосковск и назван «мудреную загадкой»: «В 1779 году построен был на левой стороне Днепра <...> Губернский город Екатеринославль, который <...> в 1782 преобращен в простой уездный, с переименованием Новомосковска», а во время вояжа Екатерины перемещен на «две версты» на «необитаемую гору» (Сумароков 1803, с. 68–69). На момент создания автором текста город носит имя Новороссийска, объяснение чему выведено за рамки повествования. «Виновник» переименования и заката славы Екатеринослава обозначен позднее — в вигелевском тексте: «Павел Первый <...> велел ему именоваться Новороссийск» (Вигель 1893, с. 143).

У Сумарокова семиотическое ядро пространства исторической памяти Екатеринослава по большей мере сформировано и останется неизменным в течение XIX века. Здесь зафиксированы три ключевых локуса: собор, дворец и сад при дворце. При этом локус собора метонимически воплощает в себе образ всего Екатеринослава. Церковь задумана изначально как воплощение могущества империи и маркирована мотивами масштабности, дороговизны, привлекательности, славы, преображения: «Ее Величество и... Император Иосиф положили... два начальные камня к сооружению наивеликолепнейшего храма Господня, который послужил бы к удивлению и был бы примерным в России зданием. Сей храм <...> посвящался Преображению в ознаменование превращения той страны <...> один фундамент его стоил более семидесяти тысяч рублей» (Сумароков 1803, с. 69–70). Соответственно, создается целый ряд взаимоуподобляющихся пространств — от преображающейся Новороссии через «младенствующий Екатеринославль» до нового собора, заложение которого знаменует «блистательное крещение» (Там же, с. 69) «родившегося младенца». В тексте 1820-х годов Лонгинова мотивы масштабности и дороговизны строительства собора, связанного с именами Екатерины и Иосифа¹, проявлены через упоминание, что его каменный фундамент весит 300 тонн (Лонгинов 1905, с. 563).

Наряду с императорскими образами в рамках сумароковского Екатеринослава актуализирован еще один ключевой образ — Потемкина. Храповицким он в связи с екатеринославским пространством не упомянут, в тексте же Сумарокова соединен с локусом екатеринославской

времени» (Там же, с. 294), а не более раннему времени подчинения Запорожской Сечи, как у Афанасьева: «Пережил или не пережил он атакования Сечи, неизвестно» (1891, с. 56).

¹ Парные образы Екатерины и Иосифа в связи с локусом собора периодически актуализируются в екатеринославском тексте Шаликова (1812, с. 59), Всеволожского (1839, с. 13–14), Сидорова (1891, с. 293, 294), а также в варианте неназванных напрямую «двух Владык — уже не существующих» у Вернета (1816, с. 176) и «двух Венценосцев» у Шаликова (1812, с. 59).

фабрики, также маркируемой дороговизной: постройка купленной у Потемкина фабрики стоила казне «более 200 тысяч рублей» (Сумароков 1803, с. 71). При этом атрибуция локуса «огромного дворца» в Екатеринославе как потемкинского (маркеры масштабности и дороговизны), что появляется в более поздних текстах, в сумароковском травелогe не дана, а его строительство задано отрицающим субъектность возвратным глаголом «появился»: «появился огромный дворец, ценою... до 120 тысяч рублей» (Там же, с. 70). То же касается и локусов садов — дворцового и губернаторского, не связываемых с образом князя.

На эксплицитном уровне образ Потемкина проявлен в текстах 1810-х и 1820-х годов — Вернета и Лонгинова соответственно, где екатеринославские локусы маркированы мотивом масштабности: «фундамент огромнейшей церкви», «огромный дворец» Потемкина (Вернет 1816, с. 176); «огромное здание» «Потемкинського дворца» (Лонгинов 1905, с. 563). Второй автор также упоминает «казенную суконную фабрику», которая «столь обширна, что строения оной... составляют почти половину города и придают Екатеринославу огромности» (Там же, с. 563), не обозначая при этом связь образа Потемкина с последней.

Апофеозом мотива имперской славы Екатеринослава выступает репрезентация Воейкова, где образ города подан как екатерининский и потемкинский (и прежде всего потемкинский) проект¹. В воейковском тексте екатеринославское пространство исторической памяти есть также пространство онирическое, куда фантазия переносит нарратора из современности — в город прошлого, предстающий «в блеске торжества, со Славою, над ним парящею» (Воейков 1825, с. 120). Автор дает самую развернутую из всех анализируемых текстов картину пребывания Екатерины в городе, отмеченную мотивами пышности, славы: «раззолоченная галера»; «Победоносный Русский орел парил на изорванных и обрызганных кровью знаменах» (Там же). Потемкинский дворец обозначен здесь как «чертоги великолепного Князя Тавриды» (Там же,

¹ Образ Потемкина как локального — новороссийского — «демиурга», изоморфный образу Екатерины как «демиурга» столичного пространства, мы встречаем у Долгорукого: «Когда Екатерина набивала сваи в Петербургские болота и творила каналы, Потемкин на другом краю света нашел девственную природу и в степи насаждал вертограды!» (Долгорукий 1870, с. 184). Иногда эти парные образы выступают как взаимодополняющие, относительно равнозначные в екатеринославском тексте, как у Воейкова или Вигеля: «Великая Екатерина в месте почти необитаемом лично положила тут основание города, который Потемкин назвал ее славою» (Вигель 1893, с. 143). В иных случаях образ Потемкина затушевывается и на первый план выведен образ Екатерины как *genius loci* города: «Императрица Екатерина Великая <...> избрала <...> необитаемую гору и повелела создать тут новый город» (Сумароков 1803, с. 69); «Губернский город Екатеринослав построен Великою Екатериною» (Всеволожский 1839, с. 13). У Афанасьева образ Потемкина как «демиурга» Екатеринослава заслоняет екатерининский: «он в 1786 году начал здесь постройку Екатеринослава» (1891, с. 57).

с. 121) и в его рамки вписан сюжет приема¹ Потемкиным Екатерины. В целом описание пира пронизано мифопоэтикой гигантизма как характерной черты екатерининского пространства исторической памяти: «я населил сии чертоги... великанами, заставил их расхаживать по сим обширным палатам» (Там же). При этом Потемкин обозначен как *genius loci* Екатеринослава, придающий городу черты масштабности, уникальности: в сцене беседы князя с архитектором Леруа вельможа говорит, что местный собор должен превзойти размерами «самый огромный храм во вселенной» «Храм Св. Петра в Риме» (Там же, с. 129). Также на основании мотивов масштабности и уникальности проводится уподобление внешнего локуса собора внутреннему миру Потемкина²: «необъятной величины границы» храма, долженствующего «быть дивом свете», — «обширный замыслами Владыка» (Там же).

Уподобление локуса его хозяину встречаем и в описании дворцового сада, обозначенного «достойным прихотливого хозяина»; здесь же актуализирован важный для образа Потемкина мотив хозяина сада, который чрезвычайно значим в плане освоения степного (безлесного) пространства Новороссии: «Потемкин не останавливался на мелочах: Гигант в замыслах и в исполнении, он заставлял шагать сюда лесных Гигантов» (Там же, с. 127).

Хвалит автор и локус «обширной» (мотив масштабности) суконной фабрики как воплощения «дальновидности и творческого духа Потемкина» (Там же, с. 139–140), о которой Сумароков выражался амбивалентно, в том числе как о пространстве, маркируемом болезнью, несвободой (образы рабочих-крепостных), нерациональностью: «приятно видеть толикую кучу людей <...> Но сколько усматриваешь тут бледных, томных лиц <...> едва ли она не в убыток казне откроется» (1803, с. 71). У Воейкова фабрика приобретает черты города, маркированного идиллическими уютностью, привлекательностью, чистотой, светлостью, миниатюрностью: «особливый городок, с светлыми, веселыми домиками, с чистыми широкими улицами» (1825, с. 127).

В тексте Вигеля при сохранении общих чертах описания Екатеринослава расставлены иные акценты: замыслы Потемкина названы чрезмерными, проектность — не соответствующей реальности: «Потемкин любил все делать на слишком широкую руку; оттого затеи его иногда не имели успеха» (Вигель 1893, с. 143). Маркируемый масштабностью локус улицы, тянущейся через весь город, контрастирует с ло-

¹ В свернутом виде мини-сюжет встречи Потемкиным Екатерины в Екатеринославе, не зафиксированный в журнале путешествия XVIII века, встречается в екатеринославских текстах второй половины следующего столетия: «Здесь же дворец князя Потемкина, где он принял императрицу Екатерину II» (Жуков 1865, с. 8); «У воздвигнутых триумфальных ворот Императрицу встретили с хлебом-солью коленопреклоненные князь Потемкин и губернатор Синельников» (Сидоров 1891, с. 294).

² Ср. сходный параллелизм у Сидорова: «грандиозный храм» — «грандиозные планы» (1891, с. 294).

кусами «низких домиков» по ее «бокам» (Там же, с. 144). Ср. с пометками о Екатеринославе (локусах Потемкинского сада, дома и собора) в дневнике Жуковского: «Гигантский план. Громады» (2004, с. 80). У Афанасьева же имперский размах Екатеринослава подчеркнут сравнением главной «широкой улицы» города с центральной улицей столицы — «почти как Невский проспект» (1891, с. 57). При этом масштабный локус екатеринославской улицы оказывается незаполненным, уподобляя городское пространство дикому, пустынному, то есть улицу — степи: «широкая улица, как степь» (Жуковский 2004, с. 78). Вигель также уменьшает размеры проектируемого собора¹, который «величиною» должен был не превзойти римский локус, но «равняться почти с церковью Св. Петра в Риме» (1893, с. 144). Мотив масштабности характеризуют вигелевское описание дворца: «Потемкинский дворец... состоял из одной залы, которую... можно было бы обратить в огромный манеж, да из двух комнат по бокам, из которых каждую можно было бы назвать пребольшей залой» (Там же). Таким образом, если в воейковском тексте проектность Екатеринослава подана комплиментарно, соединяясь в семиотическое целое с проектностью всей Новороссии («воспоминание живо. Оно сливается здесь с гигантским предприятием, выгнать Турок из Европы, <...> неразлучно с покорением Тавриды, с построением Черноморского флота, <...> с населением Новороссийского края» (Воейков 1825, с. 143–144)), то у Вигеля проектность приобретает негативную коннотацию прожекта, актуализируя мотив нереализованной потенции. Мотив Екатеринослава как «зеркала» Новороссии и — шире — всей империи встречаем у Бибикова: «Замыслы той эпохи действительно были колоссальны от политических предприятий до проектов сооружений, от Восточной империи со столицею Константинополем <...> до размеров собора..., на... фундаменте которого построена нынче одна ограда, незначительную, среднюю часть которой занимает собор настоящей эпохи» (1863, с. 114).

Собственно говоря, еще в сумароковском тексте мотив потенции Екатеринослава трансформирован в мотив нереализованной потенции как следствия энтропийности описываемого пространства: «назначалось ему пышное бытие <...> он при самом начале... пришел в немощь и упадок» (Сумароков 1803, с. 68); «все обещало возвести его на верх величия и славы <...> перемена обстоятельств переменяла и его состояние, опровергнув всю его надежду. Ныне... город являет на пустырях готовые к падению построения, наваленные камни лежат при

¹ Разные авторы, в целом сохраняя в описании церкви собора мотив масштабности, разнятся в ее количественной оценке, где эталоном выступает собор Св. Петра. У Бибикова «размеры собора» определены как «не менее римского Петра» (1863, с. 114). К конструкции «должен был», актуализирующей проектность екатеринославского пространства, прибегает и Сидоров: «Предполагался грандиозный храм, который должен был соперничать с собором Петра и Павла в Риме» (1891, с. 294).

его погребении» (Там же, с. 70–71). Степь здесь топос пустоты, незаполненности. Ср. у Всеволожского: Екатеринослав «никогда не делается достойным громозвучного имени своего» (1839, с. 14). Параллелизм смерти демиургов города и падения его славы подчеркнут Вигелем: «[Потемкин] умер, и с его смертью прекратились усилия сделать его, если не великолепным, то значительным городом. После же смерти Екатерины все устремилось к потушению ее славы» (1893, с. 143). Мотивы смертности и крушения замыслов запараллелены и в воейковском травелог: «со смертью обширного замыслами Вельможи все дело остановилось» (Воейков 1825, с. 129).

При всей смертности кладбищенские локусы в пространстве Екатеринослава едва обозначены и анонимны (за исключением ранее упомянутой могилы казака Глобы). О них пишет вскользь Воейков (Там же, с. 130) и чуть подробнее Шаликов, который травестирует образ данного места, называя его «смирненным до того, что <...> нет на нем ни одного камня» (1812, с. 51). Еще один остранный смертный сюжет приводит Вигель, в тексте которого город выступает местом визита императора Александра *post mortem*: «ни разу Император не удостоил его своим посещением; <...> по крайней мере бранные его остатки единый день в нем оставались» (Вигель 1893, с. 143). Соответственно, Екатеринослав — не столько город людской смерти, сколько смерти славы, смерти самого города: «С усопшими умерло то, что очаровывало взоры» (Воейков 1825, с. 143). Ср. также характерное для репрезентаций Новороссии (Жданов 2024б, с. 224) сочетание мотивов смертности и конкуренции городов: «сперва Николаев, Херсон и, наконец, Одесса... нанесли ему смертельные удары» (Вигель 1893, с. 143).

Также мотив пустоты проявлен на уровне отдельных екатеринославских локусов, в частности фактического Екатеринославского собора, который гораздо меньше намеченного, что подчеркнуто в вышеупомянутом тексте Бибикова. Ср. у Лонгинова: «Фундамент сей <...> остался заросшим в землю» (1904, с. 563). Несколько сглажены мотивы пустоты и разрушения у Воейкова за счет введения мотивов величественности и сакральности пространства исторической памяти: «церковь с огромными границами, вокруг разбросанными, дают безлюдному степному городу что-то величественное, священное» (1825, с. 143). Наоборот, подчеркнута энтропийность в тексте Вигеля, где локус соборной площади выступает симулякром: «под именем площади находится пространное, пустое поле; с трудом мог я разглядеть на нем нечто выходящее из земли: то были выведенные три или четыре сажени кирпичных стен собора» (1893, с. 144). Те же мотивы незавершенности и пустоты маркируют сидоровский образ собора: «Потемкин верил, что Екатеринослав превратится в один из самых блестящих городов и первым памятником должен был быть собор, заложенный Екатериной. <...> но это не осуществилось и грандиозные планы были оставлены; только ныне стоящая железная решетка говорит нам о тех размерах, которые предполагались для будущего храма» (Сидоров 1891, с. 294).

Энтропийным началом проникнуты также потемкинские локусы дворца и сада, что характерно для текстов начала XIX века: «дом, который нещадно и беспрепятственно разрушается губительным дыханием времени, сад, который запущен совершенно» (Шаликов 1812, с. 59–60); «полуразрушенные чертоги великолепного Князя Тавриды» (Воейков 1825, с. 121), «полуразвалившийся дворец, заросший крапивою и полынью сад» (Там же, с. 143); «в самом жалком положении сие огромное здание. Ни кровли, ни потолка, ни полов, ни окон; одни стены, кои также начинают сверху обрушиваться» (Лонгинов 1905, с. 563); «Все это было без полов, без окон, без дверей, и дождь капал сверху сквозь дырявую деревянную крышу» (Вигель 1893, с. 144); «не может быть, чтобы во времена великолепного князя Тавриды он (сад. – С. Ж.) содержался так небрежно, как в настоящее время» (Афанасьев 1891, с. 61). Усилен этот мотив запустения образом инвалида-смотрителя как свидетеля минувшего: «Старый Инвалид <...> оставил меня одного в пустых, пространственных комнатах, где паук развесил свои ткани и сквозь обрушившуюся кровлю сияло яхонтовое небо» (Воейков 1825, с. 121); «Что ж видел я во дворце? Видел солдата, занятого починкою ветхого мундира своего» (Вернет 1816, с. 176–177).

Но со временем проявления энтропийности слабеют. Уже в тексте Жданова антитеза «грандиозный проект собора — его меньшая реализация» выражена косвенно: «На горе недавно воздвигнут собор, на том месте, где Императрица Екатерина II предполагала построить величественный, огромный храм» (1843, с. 125). То же можно сказать и о репрезентации этого екатеринославского локуса у Сидорова, где собор назван «изящным» (а не масштабным) и «действительно красивым» (1891, с. 293). Исчезают энтропийные мотивы и в описании локусов потемкинских сада и дворца, что, видимо, связано с передачей их в распоряжение дворянского собрания. Афанасьев характеризует Потемкинский сад амбивалентно, с одной стороны, как единственное «хорошее» в городе, а с другой — как содержащийся «небрежно» (1891, с. 61). У Сидорова же Потемкинский сад и вовсе маркирован привлекательностью, обозначен как «прекрасный» (1891, с. 293). Потемкинский дворец, «старинное здание» с «большими залами», также оценивается как аттракцион для туристов (Там же, с. 292). На нет мотивы забвения и разрушения сведены в травелогах Жукова и Кунцевича, где потемкинские / екатерининские локусы Екатеринослава низведены к проходным, малозначимым образам туристических мест. Особенно это выражено в последнем тексте, где пространство исторической памяти представлено кратким упоминанием: «осмотрели памятник Екатерины II, дворец Потемкина и проч.» (Кунцевич 1900, с. 5). Наконец, в текстах Акинфиева и Хохлова¹ маркеры пространства исторической памяти вовсе не обнаружены.

¹ В случае последнего текста неискушенный в истории края нарратор игнорирует ее, зато восхищается техническим нововведением — конкой (Хохлов 1903, с. 18), которую упоминает и Кунцевич (1900, с. 5).

3. Образ современного авторов провинциального Екатеринослава

Поскольку основной акцент в репрезентации города сделан на его пространстве исторической памяти, современный авторам Екатеринослава описан слабее и зачастую негативно.

Амбивалентен связанный с Екатеринославом природный топоним Днепра, маркированный привлекательностью, масштабностью, сакральностью и в то же время дикостью, опасностью, смертностью: «только величественный Днепр дает ему (краю вокруг Екатеринослава. – С. Ж.) некоторую жизнь» (Шаликов 1812, с. 62); «широкий, быстрый, громкий, величественно обтекающий» (Воейков 1825, с. 119), «река-красавица» (Там же, с. 127); «священные волны» (Вигель 1893, с. 141); «величественная река» (Иаков 1910, с. 40); «величественная южная река, наполненная огромными гранитными валунами» (Перевощиков 1853, с. 7); «широкий и грозный» (Сидоров 1891, с. 289), «Это... бычок, переплыть который рисковало много пловцов, но... все пали его жертвой» (Там же, с. 293). Днепр в рассматриваемый нами период еще не усмирен: наличие порогов, затрудняющих судоходство, усиливает мотивы неразвитости, ахронности Екатеринослава: город «не изменился и, стоя над Днепром почти у порогов, не имел и попытки на значительную торговлю» (Афанасьев 1891, с. 57); «Потемкин создал “славу Екатерины” как раз между подводными камнями Днепра сверху и порогами снизу города. Ни отъехать, ни подступиться к городу по реке нельзя. <...> стала “слава Екатерины” клониться ко сну и смерти» (Молчанов 1884, с. 359). В молчановском варианте наиболее ярко выражена травестийная огласовка названия города, который должен был быть славен в силу проектности XVIII века, но славным на протяжении всего XIX столетия не стал, то есть искусственный, антиприродный характер топонима: «Старое время не признавало прав природы» (Там же). Ср. с ремаркой у Сумарокова о неторговости Екатеринослава, учрежденного «на столь безвыгодном месте», «где торг процветать не может» (Сумароков 1803, с. 78). Также путешествие в экзотический Крым может нивелировать мотив днепровской привлекательности: «жалкие, плачевные» «виды Днепра» (Кунцевич 1900, с. 36).

Что касается характеристик городского пространства, то среди ключевых мотивов в репрезентации повседневного Екатеринослава выделяются мотивы немасштабности¹ и незначительности: «десяток три обмазанных господских и купеческих домиков <...> весь город не обширнее <...> порядочного местечка» (Сумароков 1803, с. 68), «униженные домики» (Там же, с. 78); «низкие домики» (Вигель 1893, с. 144); «трибуналы помещаются весьма бедно и весьма тесно» (Лонгинов 1905, с. 562); «Город невелик: он состоит почти из одной... улицы» (Перевощиков 1853, с. 7); «городошко» (Афанасьев 1891, с. 57); «ничего нет в

¹ За исключением, разумеется, маркера широты улиц.

нем такого, что привлекало бы населяться», «особенно замечательного в городе ничего я не нашел» (Всеволожский 1839, с. 14); «В Екатеринославе не имеется никаких особенных достопримечательностей» (Бибииков 1863, с. 114); «Екатеринослав представляет немного интересного для туриста» (Сидоров 1891, с. 294). Кроме того, встречаются мотив *непривлекательности* повседневного городского пространства: «худое строение», город «не красивее» обычного местечка (Сумароков 1803, с. 68); «довольно непривлекательный» (Афанасьев 1891, с. 57); «не представляет ничего для взора» (Лонгинов 1905, с. 562); «все это не должно быть привлекательно в другое (не весеннее. — С.Ж.) время» (Жуков 1865, с. 9); «скверный вид Екатеринослава, показавшийся» «трущобой» (Сидоров 1891, с. 283); мотив *грязи / пыли*: «страшная невылазная грязь» (Афанасьев 1891, с. 57); «большие осенние и весенние грязи» (Жуков 1865, с. 9); «смотрит» «грязно» (Молчанов 1884, с. 359); «невероятная», «непролазная» «грязь» (Сидоров 1891, с. 283); «мелкая беловатая пыль, выедающая глаза» (Афанасьев 1891, с. 57); «серая ядовитая пыль» (Сидоров 1891, с. 291); «пыль на улице» (Акинфиев 1893, с. 2), а также мотив *жары*: «в знойные часы страдал от чрезмерного жара» (Сумароков 1803, с. 78); «зной» (Сидоров 1891, с. 291); «в первую половину июня наступила почти тропическая жара» (Акинфиев 1893, с. 2). Мотив *пустоты* наряду с упомянутыми выше локусами собора и улиц маркирует также весь город через уподобление монастырю: «некоторая монастырская пустота» (Сумароков 1803, с. 68). В первой половине XIX века в облике Екатеринослава подчеркнута его некаменность: «несколько каменных судебных домов» (Там же, с. 70); «Нет ни одного каменного строения. <...> Тюрьма <...> будет первое в Екатеринославе каменное строение» (Лонгинов 1905, с. 563); «Единственное каменное здание во всем Екатеринославе был острог» (Вигель 1893, с. 144).

В целом антропоное пространство Екатеринослава маркировано негативным мотивным рядом скуки, безжизненности, тишины с оттенком моральности: «скучное уединение» (Сумароков 1803, с. 68), «скучный Новороссийск» (Там же, с. 78); «тихий, безжизненный Екатеринослав» (Воейков 1825, с. 120); «Жизнь была самая единообразная, скучная» (Вигель 1893, с. 142), «город совсем не веселый» (Там же, с. 143); «мертвая тишина по улицам», «На пристани... сонливость; жизни никакой» (Афанасьев 1891, с. 57); «скучно-нормальное положение» (Там же, с. 61); «мы скоро начали скучать» (Жуков 1865, с. 9). Мотив мертвящего покоя заострен в тексте Бибиикова: «Летняя жизнь в Екатеринославе... чрезвычайно скучна и однообразна. Нет никаких общественных удовольствий, нигде не видно следов жизни. Все погружено в глубокий невозмутимый покой, в удушливую для постороннего организма апатию» (Бибииков 1863, с. 107–108). Еще больше моральность усилена в молчановской гротескной репрезентации города: «Самое ожидание своей экономической смерти бросается в глаза везде: на немощных улицах с глубокими рвами, такими глубокими, что в них, случалось, лежали трупы людей, не замеченные по целому месяцу; на площадях и

бульварах, где человеческие фигуры показываются лишь изредка, в клубах, где постукивание карт о зеленый стол раздается громче всякого разговора, в ресторанах. Все напоминает о старом, отжившем и отживающем, и нет... бойкости, живости» (Молчанов 1884, с. 359). В данной вариации Екатеринослав — маргинальный город-блудница, чьи «мерзостные гостиницы почти всегда полны гостями», город-призрак, в котором «искусственным путем еще кое-как поддерживается оживление» (Там же, с. 360) и город без будущего: «все смотрит уныло... и безнадежно в смысле будущего» (Там же, с. 359).

Соответственно, несмотря на губернский статус, топоним оценивается как глухая провинция: «город», «почти в глуши построенный» (Вигель 1893, с. 143); «границы Государства со всех сторон от него удалились» (Всеволожский 1839, с. 14). Он также отмечен в качестве прежде всего чиновничьего: «Как центр губернии, содержащий в себе присутственные места, он удерживает еще чиновников» (Там же); «В Екатеринославе живут только служащие чиновники, немногие купцы» (Жданов 1843, с. 129); «Отнимите у него губернское правление и прочие атрибуты чиновного центра — он уничтожится совсем» (Молчанов 1884, с. 359). Таким образом, если не учитывать крайние варианты идиллии и антиидиллии, Екатеринослав в основном маркирован провинциальной типичностью, заурядностью, усредненностью: «город обставлен недурно, как и многие губернские города России» (Жуков 1865, с. 8); «Таких губернских городов в России много» (Лонгинов 1905, с. 562); «город», «как все губернские города средней руки» (Бибиков 1863, с. 114).

Положительно изображенных локусов Екатеринослава меньше. Так, Лонгинов характеризует его двусмысленной похвалой, что город «не так дурен», как о нем говорят, а также упоминает «многие» дома «красивой архитектуры» (1905, с. 562). Жуков отмечает усреднено позитивные локусы: «довольно хорошие улицы, приличные дома, сады, бульвары», «большой рынок» (1865, с. 8). Положительно в основном охарактеризованы демиприродные локусы садов: при «архиерейском доме» «сад хорош»; «преобширный казенный сад» (Лонгинов 1905, с. 563); «казенный сад» «обширен, наполнен разнообразными южными растениями» (Перевошиков 1853, с. 9); «в нем хорошего — сады <...> Казенный сад <...> имеет прекрасные аллеи, отлично содержится» (Афанасьев 1891, с. 61); «великолепная аллея, пересекающая город, лучшее его украшение» (Бибиков 1863, с. 114); «я <...> любовался городом, его садами и бульварами» (Сидоров 1891, с. 287); «прелестный скверик»; «Бульвар <...> составляет одну из больших прелестей города» (Там же, с. 290); потемкинский «прекрасный сад» (Там же, с. 292).

Вообще, сидоровская репрезентация Екатеринослава наиболее положительна, образуя противоположный полюс молчановской смертной антиидиллии. В описании города Сидоров соединяет рациональность ученого-ботаника и эмоциональность влюбленного: «С каким удовольствием возвращался я каждый раз из уездов <...> Екатеринослав мне нравился все более и более, а наш маленький домик с его милыми

хозяевами становился мне все дороже и дороже» (Там же, с. 287). В отличие от других путешественников, автора травелога «Окольной дорогой» привлекают ахронность и самозамкнутость Екатеринослава, становящиеся маркерами не скучной провинциальности, но идиллии, ступенной в образе демиприродного Дома-Сада с маркерами миниатюрности и растительности: «У самого подъезда две небольшие шелковицы... почти прижались к домику, глядящему своими маленькими окошечками на большой двор, заросший одуванчиками и подорожником» (Там же, с. 287–288).

Наконец, отметим ярмарочный локус, определявший облик Екатеринослава в течение значительного времени. Так, в тексте Всеволожского мы встречаем упоминание о «пяти установленных» ярмарках (1839, с. 14). Афанасьев описывает Петропавловскую ярмарку в ее двух ипостасях — для высших слоев («панский ряд» (1891, с. 57), предлагающий товары, маркированные подобием столичности («можно отыскать все, даже и тому изысканному покупателю, который ходил по лавкам в изящном пальто, вставив в глаз стеклышко, и громко говорил: “у нас в Петербурге”»), и служащий «выставкой невест» (Там же, с. 58)) и для простонародья. Последняя маркирована малороссийскостью (Там же, с. 60). Упоминается ярмарка также Перевоицковым (1853, с. 8) и Бибиковым, подчеркивающим, что «Екатеринославская ярмарка по преимуществу помещичья¹ и этим совершенно отличается от наших купеческих ярмарок» с разделением на «панские» и «шерстяные ряды» (1863, с. 115). Ср. у Афанасьева: «Собственно шерстяная ярмарка несколько не занимательна» (1891, с. 60). Разъезд же участников ярмарки акцентирует мотив пустоты города: «помещики <...> расплозились по деревням и усадьбам — Екатеринослав опустел совершенно» (Бибииков 1863, с. 120). Афанасьев отмечает, что оживившийся во время ярмарки город начинает затем вновь «пустеть» (1891, с. 61). Аналогично сфера сезонной торговли вносит мотив оживления и в молчановский мортальный Екатеринослав: «В мае и июне берега и улицы Екатеринослава оживают. ...сюда сплавляется масса леса с верховьев Днепра» (Молчанов 1884, с. 362).

4. Заключение

Таким образом, репрезентация Екатеринослава в русской словесности конца XVIII—XIX веков отличается достаточной цельностью, так что можно говорить о складывании элементов екатеринославского текста в данный период.

Семиотическое ядро репрезентации Екатеринослава характеризуется амбивалентностью, проистекающей из противопоставления образов городского прошлого и настоящего. К ним добавляется образ горо-

¹ Как подчеркивает Молчанов, «Екатеринослав — помещичье гнездо» (1884, с. 360).

да будущего, заданный мотивом проектности, который возникает в тексте XVIII века и связан с общей проектностью Новороссии как пространства воплощения имперских планов расширяющегося на юго-запад государства. Поскольку эти планы не были реализованы в полном объеме, мотив проектности трансформируется в постекатерининскую эпоху в мотив нереализованной потенции, а образ города будущей славы — в образ города нереализованного будущего / «мертвой» славы, что, в свою очередь, актуализирует мотивы смертности городского пространства.

Заметим, что именно пространство исторической памяти, то есть прошлое, в котором зафиксированы сюжеты основания города двухипостасным демиургом Потемкиным-Екатериной, а также посещения Екатеринослава последней во время вояжа по юго-западным границам империи, выступает кульминационным и наиболее семиотически насыщенным топосом по сравнению с настоящим (для большинства авторов). Это своего рода аналог мифологического правремени, когда возникают основные культурные объекты, определяющие человеческое бытие. В случае Екатеринослава тогда созданы главные локусы, выделяющие город из ряда прочих российских городов: собор, потемкинские дворец и сад, а также фабрика. Значимость последней, впрочем, сходит на нет к середине века. Локусы же собора и дворца-сада отмечены в текстах на всем протяжении столетия. Эти пространственные образы актуализируют, с одной стороны, мотив большой проектности, который связан с масштабностью первоначального строительства, свойственного также локусу екатеринославского проспекта, а в случае собора — с его соперничеством с римским собором Святого Петра, а с другой — мотив нереализованности этой потенции, что выражено в уменьшении масштабов собора, разрушении / опустении / одичания потемкинского дворца-сада. Впрочем, энтропийность, пронизывающая данные локусы, постепенно сокращается в текстах второй половины XIX века. При этом зачастую «утасает» и экспрессивность репрезентаций собора, дворца и сада, образы которых начинают подаваться как туристические места. Репрезентация екатеринославского пространства исторической памяти доекатерининской, казацко-запорожской эпохи представлена гораздо слабее и связана с двояко толкуемым образом казака Глобы.

Образ современного авторам XIX века Екатеринослава маркирован в основном умеренно негативно, мотивами провинциальности, мало-масштабности, непривлекательности, пустоты, скуки, грязи, пыли, жары, маргинальности. В этом плане наибольшей отрицательной экспрессивностью отмечен текст Молчанова. Противоположный — положительный — полюс характеристик образует преимущественно идиллическая репрезентация Сидорова.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

Список литературы

Афанасьев, О.Е., Цапко, М.В., 2010. Анализ общественного комплекса города Екатеринослава по рекламным объявлениям. *География, геоэкология, геология: опыт научных исследований: материалы VII Международной научной конференции*. Вып. 7. М., с. 167–168. [Afanasyev, O.E. and Tsapko, M.V., 2010. Analysis of the public complex of the city Ekaterinoslav based on advertisements. In: *Geography, geoecology, geology: issue of scientific studies: proceedings of the 7th International scientific conference*. Issue 7. Moscow, p. 167–168 (in Russ.)] EDN: TVBHVF.

Батшев, М.В., 2024. Феномен Любека в представлении русских путешественников первой половины XIX в. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 15 (1), с. 11–27. [Batshev, M.V., 2024. The Lubeck phenomenon in the minds of Russian travelers of the first half of the XIX century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*, 15 (1), p. 11–27 (in Russ.)] <https://doi.org/10.31862/2500-2988-2024-15-1-11-27>, EDN: NSKWYF.

Булкина, И., 2010. *Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное*: дис. ... д-ра философии по русской литературе. Тарту. [Bulkina, I., 2010. *Kiev in Russian literature of the first third of the 19th century: historical and literary space*. PhD Dissertation. Tartu (in Russ.)].

Голомидова, М.В., 2023. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста. *Слово.ру: балтийский акцент*, 14 (1), с. 29–53. [Golomidova, M.V., 2023. Ekaterinburg — Sverdlovsk — Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 29–53 (in Russ.)] <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2>, EDN: KYVTIY.

Дорджиева, Е.В., 2024. Образ города в репрезентациях путешественников: на примере восприятия Екатеринослава XIX — начала XX века. *Современное педагогическое образование*, 3, с. 316–322. [Dordzhieva, E.V., 2024. City image in representations of travelers: based on the example of Ekaterinoslav of the 19–20 centuries. *Modern pedagogical education*, 3, pp. 316–322 (in Russ.)] EDN: FQRTBT.

Жданов, С.С., 2024а. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М.П. Жданова). *Два века русской классики*, 6 (3), с. 30–63. [Zhdanov, S.S., 2024a. Spatial images of the liminal South-West of the Russian Empire (based on “Travel notes across Russia” by M.P. Zhdanov). *Two centuries of Russian classics*, 6 (3), pp. 30–63 (in Russ.)] <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63>, EDN: KIERBT.

Жданов, С.С., 2024б. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова. *Научный диалог*, 13 (5), с. 215–239. [Zhdanov, S.S., 2024b. Representation of Novorossiia in “Journey across Crimea and Bessarabia in 1799” by Pavel Sumarokov. *Nauchnyi dialog*, 13 (5), pp. 215–239 (in Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239>, EDN: VNMVOJ.

Кавун, М.Э., 2015. Образ раннего новороссийского города в восприятии крестьянства (на материалах Екатеринослава конца XVIII — первой половины XIX вв.). *Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века: сборник статей 5-й Международной научно-практической конференции*. Нижний Новгород, с. 8–13. [Kavun, M.E., 2015. The image of the early Novorossiia city in the perception of peasantry (based on the materials of Yekaterinoslav of the late 18 — first half of the 19 centuries). In: *State power and peasantry in the 19th — early 21st century: proceedings of the 5th International scientific and practical conference*. Nizhnyi Novgorod, pp. 8–13 (in Russ.)] EDN: XVRUVN.

Лотман, Ю.М., 1984. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 664. Труды по зна-

ковым системам 18. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, с. 30–45. [Lotman, Yu.M., 1984. Symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city. In: *Scientific notes of the Tartu State University. Issue 664. Works on sign systems* 18. Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Tartu, pp. 30–45 (in Russ.)].

Панов, А. С., 2016. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. *Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, 2 (4), с. 110–119. [Panov, A. S., 2016. Ambivalence of the image of Odessa in the representations of Russians and Americans in the first third of the XIX century. *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, 2 (4), pp. 110–119 (in Russ.)] EDN: WBWQMV.

Петрова, Э. Б., Прохорова, Т. А., 2015. Севастополь и его ближайшая округа в сочинениях московских путешественников по Крыму конца XVIII – первой половины XIX века. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки*, 1 (67), с. 48–77. [Petrova, E. B., Prochorova, T. A., 2015. Sevastopol and its neighborhood in the writings of Moscow travelers through the Crimea in the late XVIII – early XIX century. *Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science*, 1 (67), pp. 48–77 (in Russ.)] EDN: VKNRYJ.

Симонова, О. А., 2018. Екатеринослав в 1918–1919 гг.: жизнь горожанки (по воспоминаниям А. А. Саксаганской). *Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах Российской урбанизации XIV – XXI веков: материалы XI Международной научной конференции*. М., с. 105–107. [Simonova, O. A., 2018. Yekaterinoslav in 1918–1919: life of a townswoman (according to the memoirs of A. A. Saksaganskaya). In: *Urban women and men in political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14–21 centuries: proceedings of the 11th International scientific conference*. Moscow, pp. 105–107 (in Russ.)].

Топоров, В. Н., 2003. *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. СПб. [Toporov, V. N., 2003. *Petersburg text of Russian Literature: selected works*. St. Petersburg (in Russ.)].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Акинфиев, И. Я., 1893. *Путешествие по югу России и Северному Кавказу*. Екатеринослав. [Akinfiev, I. Ya., 1893. *Travel to the South of Russia and the North Caucasus*. Ekaterinoslav (in Russ.)].

Афанасьев, А. С., 1891. *Собрание сочинений А. С. Афанасьева (Чужбинского): в 9 т. Т. 7*. СПб. [Afanasyev, A. S., 1891. *Collected works by A. S. Afanasyev (Chuzhbinsky): in 9 vol. Vol. 7*. St. Petersburg (in Russ.)].

Бибиков, П. А., 1863. От Петербурга до Екатеринославля (Часть III). *Время*, 4, с. 98–141. [Bibikov, P. A., 1863. From Petersburg to Ekaterinoslav (Part 3). *Vremya*, 4, pp. 98–141 (in Russ.)].

Вернет, И. Ф., 1816. Еще несколько моих воспоминаний. *Украинский вестник*, 8, с. 173–190. [Vernet, I. F., 1816. A few more of my memories. *Ukrainian Bulletin*, 8, pp. 173–190 (in Russ.)].

Вигель, Ф. Ф., 1893. *Записки Филиппа Филипповича Вигеля: издание «Русского архива»*. Ч. 7. М. [Vigel, F. F., 1893. *Notes by Filipp Filippovich Vigel: edition of "Russian Archive"*. Part 7. Moscow (in Russ.)].

Воейков, А. Ф., 1825. Екатеринослав (из записок одного русского путешественника). *Новости литературы*, 13 (9), с. 119–144. [Voeykov, A. F., 1825. Yekaterinoslav (from the notes of a Russian traveler). *News of literature*, 13 (9), pp. 119–144 (in Russ.)].

Всеволожский, Н. С., 1839. Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах: в 2 т. Т. 1. М. [Vsevolozhsky, N.S., 1839. *Journey through Southern Russia, Crimea and Odessa to Constantinople, Asia Minor, North Africa, Malta, Sicily, Italy, South Africa and Paris in 1836 and 1837: in 2 vol.* Vol. 1. Moscow (in Russ.)].

Габлиц, К. И., 1786. Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предпринимаемое в 1787 году. СПб. [Habliz, C.L., 1786. *Journey of Her Imperial Majesty to the noonday land of Russia, undertaken in 1787.* St. Petersburg (in Russ.)].

Долгорукий, И. М., 1870. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. М. [Dolgoruky, I.M., 1870. *Famous drums beyond mountains, or my journey somewhere in 1810.* Moscow (in Russ.)].

Жданов, М. П., 1843. Путевые записки по России, в двадцати губерниях. СПб. [Zhdanov, M.P., 1843. *Travel notes across Russia, in twenty provinces.* St. Petersburg (in Russ.)].

Жуков, К. П., 1865. Заметки в пути на Южный берег Крыма. СПб. [Zhukov, K.P., 1865. *Notes on the way to the Southern coast of Crimea.* St. Petersburg (in Russ.)].

Жуковский, В. А., 2004. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 14. М. [Zhukovsky, V.A., 2004. *Complete collection of writings and letters: in 20 vol.* Vol. 14. Moscow (in Russ.)].

Иаков [Вечерков, И. И.], 1910. Путевые заметки ректора Екатеринбургской духовной семинарии, архимандрита Иакова Вечеркова, впоследствии епископа Саратовского, архиепископа Нижегородского. Летопись Екатеринбургской ученой архивной комиссии. Вып. 6, с. 38–88. [Iakov [Veчерkov, I.I.], 1910. *Travel notes of the Rector of the Yekaterinoslav Seminary, Archimandrite Jacob Veчерkov, later Bishop of Saratov, Archbishop of Nizhny Novgorod.* In: *Chronicle of the Yekaterinoslav scientific archival commission.* Issue 6, pp. 38–88 (in Russ.)].

Кунцевич, Л. З., 1900. Экскурсия на Кавказ и в Крым окончивших курс Киево-Печерской гимназии в 1898 году. Киев. [Kuntsevich, L.Z., 1900. *Excursion to the Caucasus and Crimea for graduates of the Kiev-Pechersk Gymnasium in 1898.* Kiev (in Russ.)].

Лонгинов, Н. М., 1905. Путевые письма: (Июнь — сент. 1823 г.). Русский архив, 3 (12), с. 549–572. [Longinov, N.M., 1905. *Travel notes (June — September 1823).* Russian archive, 3 (12), pp. 549–572 (in Russ.)].

Молчанов, А. Н., 1884. По России. СПб. [Molchanov, A.N., 1884. *Across Russia.* St. Petersburg (in Russ.)].

Перевошиков, Д. М., 1853. Поездка из Петербурга в Крым и обратно. Современник, 37 (1), с. 1–38. [Perevoshchikov, D.M., 1853. *Journey from Petersburg to the Crimea and back.* Sovremennik, 37 (1), pp. 1–38 (in Russ.)].

Сидоров, В. М., 1891. Окольной дорогой: (Путевые заметки и впечатления). СПб. [Sidorov, V.M., 1891. *Roundabout way: (Travel notes and impressions).* St. Petersburg (in Russ.)].

Сумароков, П. И., 1803. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. Ч. I. СПб. [Sumarokov, P.I., 1803. *Leisures of the Crimean judge, or a second journey to Taurida: in 2 parts.* Part. 1. St. Petersburg (in Russ.)].

Хохлов, Г. Т., 1903. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 28. Вып. 1. СПб. [Khokhlov, G.T., 1903. *Journey of Ural Cossacks to the "Belovodsky Kingdom".* In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography.* Vol. 28, iss. 1. St. Petersburg (in Russ.)].

Храповицкий, А. В., 1787. *Журнал высочайшего путешествия Ее Величества Государыни императрицы Екатерины II, Самодержицы Всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году*. М. [Khrapovitsky, A. V., 1787. *Journal of the supreme journey of Her Majesty Empress Catherine II, the Autocrat of the All-Russian Empire, to the noonday lands of Russia in 1787*. Moscow (in Russ.)].

Шаликов, П. И., 1812. *Екатеринослав. Аглая*. Ч. 13, кн. 1, с. 42–64. [Shalikov, P. I., 1812. *Ekaterinoslav. Aglaya*. Pt. 13, book 1, pp. 42–64 (in Russ.)].

Об авторе

Сергей Сергеевич Жданов, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия; заведующий кафедрой, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8898-6497

E-mail: fstud2008@yandex.ru

Для цитирования:

Жданов С. С. Образ Екатеринослава как нереализованной потенции в русских травелогах конца XVIII – XIX века // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №4. С. 132–150. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE IMAGE OF EKATERINOSLAV AS AN UNREALIZED POTENTIALITY IN RUSSIAN TRAVELOGUES OF THE LATE 18th – 19th CENTURIES

Sergei S. Zhdanov^{1, 2}

¹Novosibirsk State Technical University
20 Prospekt Marksa, 630073, Novosibirsk, Russia

²Siberian State University of Geosystems and Technologies
Plakhotnogo St., 10, 630108, Novosibirsk, Russia

Submitted on 14.04.2025

Accepted on 15.07.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-7

The paper examines the representation of Ekaterinoslav's urban space based on twenty-two Russian travelogues of the late 18th – 19th centuries (texts by Ivan Ya. Akinfiev, Alexander S. Afanasyev, Pavel A. Bibikov, Ivan F. Vernet, Fyodor F. Vigel, Alexander F. Voeikov, Nikolai S. Vsevolozhsky, Karl I. Hablitz, Ivan M. Dolgoruky, Mikhail P. Zhdanov, Konstantin P. Zhukov, Vasily A. Zhukovsky, Iakov I. Vecherkov, Lev Z. Kuntsevich, Nikolai M. Longinov, Alexei N. Molchanov, Dmitry M. Perevoshchikov, Vasily M. Sidorov, Pavel I. Sumarokov, Gerasim T. Khokhlov, Alexander V. Khrapovitsky, and Pavel I. Shalikov). The study aims to provide an analytical description of the main spatial characteristics shaping the city's image within a semiotic – imagological framework. The representation of Ekaterinoslav is shown to be constructed primarily through the opposition between 'the space of a glorious past' and 'the space of an inglorious present'. Correspondingly, the motif of unrealized potential is a defining feature of the city's image. The moment of the city's foundation – its space of historical memory – is associated with motifs of grandeur, scale, and ambition, and linked

to figures of the imperial personosphere, including Empress Catherine II, her favourite Grigory Potemkin, and Emperor Joseph II of Austria. By contrast, representations of contemporary Ekaterinoslav by 19th-century authors are predominantly negative, marked by motifs of smallness, unattractiveness, provinciality, decay, monotony, heat, and mud.

Keywords: *imagology, travelogue, Ekaterinoslav, Novorossiya, Catherine II, Potemkin, space, Russian literature*

Acknowledgements. *The study is supported by the Russian Science Foundation, project number 24-28-01431, <https://rscf.ru/project/24-28-01431/>*

The author

Dr Sergei S. Zhdanov, Associate Professor, Leading Research Fellow, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; Head of Department, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-8898-6497

E-mail: fstud2008@yandex.ru

To cite this article:

Zhdanov, S.S., 2025, The image of Ekaterinoslav as an unrealized potentiality in Russian travelogues of the late 18th – 19th centuries, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 4, pp. 132–150. doi: 10.5922/2225-5346-2025-4-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))